

МУЗЕЙ ШКУР

Масляно-черные кушетка и кресло густо блестели в белом свете ламп. Они стояли у свободной от книжных шкафов стены. Саму стену расквадрачивали разноформатные фотографии, глянцевые, пускавшие по всей комнате солнечных зайчиков. Из-за бликов большую часть снимков нельзя было разглядеть, но было понятно, что на всех работы Ангела.

– Чай-кофе? Коньяк? – Ангел положил руку Юре на плечо.

– Нет. Хотя... чай, если можно.

Юра виновато улыбнулся. Он пытался избавиться от холопского страха лишний раз кого-то напрячь.

Ангел усмехнулся.

– Присядь пока. – Он махнул на кресло.

Юра раньше не бывал в тату-салонах, но здесь все казалось правильным, именно таким, как должно. Темные стены, мягкий желтый полусвет и рабочее место, высвеченное холодным белым. Оно горело, как сцена в концертном зале. Вот-вот выключат большой свет – и начнется представление. В зрительном зале книжных полок расположились черепа всех форм и размеров. С другой стороны, тату-салонем это место было только технически. Обычная квартира, огромная квартира, в сталинке, где Ангел заодно и работал.

Юра прошелся по периметру комнаты. Три стены закрывала интеллектуальная броня библиотеки.

Хребты книг, матовые и, реже, глянцевые, с тиснением и относительно новые, полиграфичные, широкие и тонюсенькие, в которые едва втиснулись серебряные полоски скоб, – они поднимались от самого пола до потолка. Белые поблескивающие черепа придавали важности и без того весомым томам.

Окно тоже было обрамлено шкафами – буквой П. Под подоконником чернела решетка батареи, изящно вписанная в эту гармонию вертикальных линий.

Юра вглядывался в корешки, шевелил губами, проговаривая фамилии писателей. Как выживший солдат на мемориале павшим товарищам, он читал фамилии и вспоминал лица, героев, сюжет, цитаты. Нет, это не его однополчане, скорее – генералы: династия Андреевых, Бабель, Куваев, редкий даже для государственных библиотек Кржижановский, Набоков, полные собрания Паустовского, Пастернака...

Рядом – стена со снимками татуировок. Черт, да как это вообще возможно? Татуировщик-интеллигент. Даже звучит... каламбурно? Странная эклектика. Но диссонанс быстро отошел на второй план, и Юра всецело погрузился в разглядывание татуировок. Работы впечатляли. Изящные, целостные, умело вписанные в анатомию картины в совершенно разной стилистике – цветные и черно-белые, гиперреалистичные, мультяшные, акварели. Наверняка каждая из них имела свое «отраслевое» назва-

Взгляд поглощал один рисунок за другим, отчего вскоре кожа по всему телу начала слегка зудеть в предвкушении – вот-вот и на ней появится нечто, что он еще долго вот так же будет разглядывать, только уже на самом себе, в зеркале.

ние – их Юра не знал. Взгляд поглощал один рисунок за другим, отчего вскоре кожа по всему телу начала слегка зудеть в предвкушении – вот-вот и на ней появится нечто, что он еще долго вот так же будет разглядывать, только уже на самом себе, в зеркале.

Раньше татуировка пугала Юру. Несколько раз он едва не набил себе – сначала якорь и штурвал в училищную бытность, когда валялся в госпитале с воспалением, потом то ли дракона, то ли бульдога на какой-то пьянке у подруги, где среди гостей был начинающий татуировщик, потом еще в армии... но каждый раз в последний момент он соскакивал. Приступы трусости вызывало слово «навсегда». Но сейчас он чувствовал необходимость внешнего атрибута, который повяжет тело и сознание, станет вектором мыслей. Он не видел конкретного рисунка – набор элементов, из которых хотелось построить нечто целостное.

В центре комнаты стоял огромный письменный стол. Без компьютера и ноутбука. Настоящий скелет динозавра – такой же огромный и архаичный.

Юра вдруг понял, что чересчур долго находится здесь один. словно Ангел намеренно дал время почувствовать атмосферу студии, своеобразный аперитив. Это сработало. Юра усмехнулся.

– Ну, больной, рассказывайте!

От неожиданности Юра вздрогнул. Ангел, улыбаясь, поставил на стол поднос с кружками и сахарницей.

– Хочу татуировку, – растерянно пожал плечами Юра.

Лицо Ангела заострилось и стало почти дьявольским, зубы белели оскалом – он улыбался.

– Подробности будут или бьем на мой вкус?

Юра прокашлялся и пожевал губу. Хотелось сначала определиться с оплатой.

– Малов сказал, что... То есть... – Юра потупился.

Разговоры про деньги ему никогда не удавались.

Ангел наблюдал за этой миниатюрой, широко улыбаясь. Сузившиеся глаза, морщины у рта и заострившийся нос снова сделали его похожим на черта с детской иллюстрации.

«Черт-альбинос», – подумал Юра, глядя на соломенные волосы и белую футболку.

– Не тушуйся. Я могу поработать бесплатно, это правда. Малов дал тебе подробностей?

– Нет.

– Нет, – повторил Ангел и снова зловеще усмехнулся.

– Ладно. Подробности позже. Одно из условий бесплатной работы – ты не сводишь, не правишь.

Порывистых барышень я за так не татуирую.

Поэтому скажи: зачем тебе татуировка? Жил же без нее.

– Сложно объяснить. – Юра пожевал губу. – Просто почувствовал, что ее не хватает. Что-то вроде способа присвоить свое тело.

– Ну вот. А говоришь – сложно. – Ангел удовлетворенно кивнул. – Какой рисунок, где?

– Этого пока не решил. Про место. Рисунок... тут тоже сложно. – Юра достал телефон. – Я тут подобрал... Но я не понимаю, как это все объединить. – Он протянул смартфон Ангелу.

Тонкие брови Ангела с каждой новой картинкой поднимались все выше и выше, еще немного – и они бы уползли с лица. Юре стало неловко. Он несколько раз переступил с ноги на ногу.

– Бык, чертополох, сова, кобра, пламя... – выпас в огне.

– Ну, может, что-то выбросить... – потупился Юра, но вдруг взволнованно затараторил: – Мне нравятся символы. Год змеи, телец. Сова и чертополох – это мистицизм. А змей просто люблю. Можно выбрать... Что удобнее.

– Мне нравится весь набор. Давай я сегодня порисую, а завтра ты ко мне заглянешь. Вечером. Сможешь?

Юра кивнул.

– Ну вот и отлично.

– А что по поводу...

– Завтра. Сначала соображу эскиз.

Спустя два дня Юра лежал на столе и обреченно восхищался тем, как Ангел разыграл комбинацию. Эс-

киз был невероятен. Огромная морда быка, сплетенная из гротескно-шипастых стеблей и листьев чертополоха, с розово-черными цветами вместо глаз. Трава оплетала корягу, ветки которой причудливо изгибались кривыми рогами. Вокруг рогов обвивались две кобры. Длинные языки из открытых пастей распространялись в пламя; в черно-оранжевом огне проступал силуэт совы, широко раскинувшей крылья и распахнувшей клюв в охотничьем визге. Юра долго водил взглядом по сложной композиции, и вскоре ему уже чудилось и огненное шипение змей, и совиный крик, и мерное дыхание ветра в кустарнике.

– Это очень круто!

– Спасибо.

– Но она... огромная.

– Хорошая татуировка должна быть большой.

– И куда?

– Спина. Или пузо-грудь. Что скажешь?

– Черт! Да! – Он не мог оторваться от рисунка.

Ангел улыбнулся. Юра краем глаза заметил лицо мастера и поехался. Захотелось никогда больше не видеть его улыбающимся.

– Тогда обсудим условия.

– Вы серьезно?

Ангел кивнул.

– Это же средневековое какое-то. Что-то среднее между инквизицией и нацистами.

– Тебе-то будет уже все равно. – Голос и лицо мастера переменялись, наполнились лаской и родительским вниманием.

– Да, но... – Он не знал, что «но». – Просто это мерзко.

– Опять же – тебе будет все равно.

Юра с тоской посмотрел на полотно эскиза.

– Это вообще законно?

Ангел пожал плечами.

– Ты задаешься ненужными вопросами. Подпишемся, заверим у нотариуса – и забудешь обо всем этом.

– Забудешь... Плохо представляю, как о таком можно забыть.

– Ладно, чего я тебя тут уговариваю. Мое дело предложить.

Ангел встал, давая понять, что дальнейший разговор ему не интересен. Юра сделал вид, что не заметил. Уходить он не собирался. В глубине души он уже дал согласие, а теперь нужно было вытянуть из него это «да» и подпись на сумасбродном договоре.

– А вообще, многие соглашаются?

– Ты не представляешь. – Ангел снова присел на край стола.

– А тебе-то с этого что? Я моложе, и вряд ли ты меня переживешь.

Вот-вот Ангел станет его душеприказчиком, и выкатить здесь уже не имело никакого смысла.

– Опять же, это моя забота.

– Черт. А если ты меня приберешь? Чтоб не дожидаться?

Только произнеся эту смутную догадку вслух, Юра почувствовал простоту и неискривленную логику такого поворота событий, и прикусил губу.

– Я давно уже этим занимаюсь. До открытия музея я вряд ли доживу. Пока все снобы и попы наскандалятся... Расписки приведут в исполнение другие люди. Это шаг к вечной жизни, Юра, – рассмеялся Ангел.

– Ладно, – обреченно кивнул Юра. – Согласен.

Он спешно расчеркнул под самым странным документом, о котором когда-либо слышал. По этим бумагам после его смерти Ангел или его доверенное лицо имеет право срезать с Юриного тела фрагмент кожи с работой Ангела «с двухсантиметровым запасом по периметру для удобства дальнейшего экспонирования» в Музее татуировки Павла А. Краснова.

Вечером был обманчиво-радушный город с горящими витринами закрытых магазинов, Вероника, легкий ужин и невразумительный секс.

– Ты сегодня странный. Что-то не так?

Юра молчал слишком долго, отчего его «все в порядке» прозвучало фальшиво. Но обсуждать тут было нечего. Он мог рассказать сухие факты, но не объяснить, почему в итоге согласился на дурацкие условия и отчего они, условия, кажутся ему нездоровыми.

Он отчетливо представил себе смерть. Безапелляционную отсеченность себя, носителя мыслей и чувств, от остальных. Огромный мир, полный людей, мест, красок и звука, сменит тесная деревянная капсула, темнота и непостижимая в своей глубине и бесконечности тишина. Рай? Ад? Даже ад выглядит привлекательнее небытия. И если, да, черт побери, если ничего дальше нет, то его тело – единственное, что останется после. И может, не так уж плохо, что после похорон – в том, что это будет после похорон, Юра был уверен, – кто-то разроет могилу и вытащит его на свет. Ненадолго, но все же выудит тело из душного безысходного однообразия.

Всегда более теплое, чем его, тело Вероники оказалось раскаленным. Оно неприятно согревало – жгло. Он осторожно отодвинулся, чтобы не касаться.

Когда закрыл глаза – снова, ярко: ночь, фонари, трое. Пар изо ртов и от разгоряченных лиц.

Земля, хоть и свежекопаная, но все равно успела уже смерзнуться, и работа далась нелегко. Им не хватает четвертого, чтобы легко выволочь гроб, но один – здоровый – накинул по ремню на каждое предплечье и пятится от вскрытой могилы, тянет не хуже, чем двое; парочка на другой стороне ямы, перешучиваясь, неспешно и слаженно выбирает ремни.

Гроб в свете фонарей. Монтировка со скрипом один за другим шелкает гвозди. Под белыми кружевами савана – бледное лицо, еще более мертвое в лучах светодиодных фонарей (или живое, если свет будет желтым. Да, лучше желтый, теплый свет). Рядом раскинута покрывало. На него лицом вниз бросают тело, кривыми садовыми ножами спаривают одежду.

В луче света Ангел со скальпелем. Он был одним из тех двоих или дожидался где-то в тени? Скальпель проникает в тело на половину лезвия. Он аккуратно обходит рисунок, оставляя ровную белую полоску запаса «чистой» кожи.

Охотничий нож для снятия шкур.

– Мерзость какая...

– Заткнись и свети! – обрывает соучастников Ангел.

Десять минут спустя рядом с освеженным телом падает полотно кожи.

И снова – гроб, могила, рез лопат и стук окаменевшей земли. Свет гаснет. Темнота и тишина.

Юра вскочил с кровати, вышел на кухню и зажег свет. Воды? Нет. Света вполне хватило. Он отдышался.

– Ты чего? – Вероника, шурясь, вошла на кухню.

Ее голая грудь, трусики, обтягивающие округлую раздвоенность лобка, разлохмаченные волосы – все это было таким живым. Мысль о бессмертии, смутно знакомая с юности, наполнила собой Юру. Нужно было жизни. Прямо сейчас. Он подошел к Нике вплотную, опустил на колени и, целуя живот и ноги подруги, стянул с нее белье.

К боли он постепенно привык. Но через пять-шесть часов она трансформировалась во что-то новое, стала невыносимой. Вся спина саднила, как обожженная. В кожу с сумасшедшей скоростью врезался гребень из пяти игл. Спасали только разговоры. Ангел оказался отличным собеседником с десятком историй на любой случай из жизни. В своих рассказах он умудрялся перебивать самого себя: начинал рассказывать об одном, но где-то иголка сознания перескакивала в соседнюю борозду, и рассказ о походе за грибами заканчивался раскапыванием танка в белорусских болотах. Но чаще

он говорил о женщинах. Их было много и таких незнакомых в своей раскрепощенности и похоти, что Юра даже не пытался скрыть зависти.

– А муж?

– Зашел на кухню, посмотрел на все это действие и вышел, прикрыв дверь.

– И ни мордобоя, ни развода?

– Нет. Обычно у таких странных союзов нет причин для развода.

Еще одной излюбленной темой была юность среди родительских друзей-интеллигентов и литературных деятелей средней руки, шпаны и бывших эзков.

– Раз шесть жену убивал. На это уже даже внимания никто особенно не обращал. Ментов, конечно, вызывали, но, скорее, по привычке. То душил ее, то голову чем-то пробьет. Один раз вываливается во двор весь в крови с огромным свиноежом в руке: «Я Наташку зарезал!» Скорая, менты, Склиф. Выходили. Шрам на полщеи. И не посадили ведь.

– Чем кончилось?

– Не знаю. Пропали куда-то. Квартиру продали. Наверное, продолжают давать концерты во дворах на окраине.

Юра пытался вывести закономерность между многопытным и разнообразным детством, инженерным образованием и теперешним шкурником. Но от боли мысли были нестройные, как будто не свои. Ангел выкрашивал одно место по третьему или четвертому разу, и даже самые простые размышления тонули в жужжании машинки и непрерывных уколах. В такие моменты Юра впадал в подобие транса. Он осознавал происходящее вокруг, но старался отменить это, спрятавшись в уютной темноте за глазами яблоками.

Там боль была визуальной – отдаленные красно-оранжевые всполохи, – и если внутреннему ему удавалось тоже закрыть глаза, она исчезала совсем. И тогда оставались только темнота, Пашин голос и музыка. Когда приходилось выбираться наружу и реагировать на байки Ангела очередной усмешкой, вопросом или попыткой что-то рассказать самому, снова появлялись обожженная спина и стрекотание машинки. Но и тогда мозг, искавший спасения от боли во всем, выкручивался. Он превращал Юру в слух, всецело сосредотачивался на музыке. Громкая, тяжелая – грохотание барабанов, визгливые гитарные рифы, гроул солистов – они давали совершенно другое спасение, диаметрально противоположное спокойствию. Это была музыка, от которой незримо росли мышцы. Мелодия переносила его в поле. В одной руке у него появлялся то-

пор, в другой – кружка пива. Лицо увлажняла роса. Сосредоточенный взгляд неотрывно всматривался в черную полосу леса впереди. Первые лучи рас- света – как сигнал. Вот-вот лесная чаща поползет на него полчищами безликих врагов, и он ринется на них... Ох, эта музыка! Наверное, чем-то подобным берсеркеры вызывали свою ярость. Он уже не бежал от боли внутрь себя, а выгибал спину навстречу иг- лам и иступленно беззвучно смеялся.

Сеансы продолжались, пока не уставал Ангел. Юра терпел не из страха показаться слабым – хо- телось поскорее получить свой страшный задаток и как можно раньше начать попытки на долгие годы забыть о расплате. Поэтому от Паши он уходил словно пьяный. После первого сеанса его лихора- дило. Ментоловый вазелин, обильно укрывший за- чаток рисунка, охлаждал так, что трясущиеся ноги едва попадали в асфальт. Чужая тяжелая голова с трудом управляла телом. По дороге он выпивал катастрофически много воды, как при отравлении. Приходя домой, садился в ванную и терпеливо сно- сил помывку от вазелина, крови и краски. Напо- следок, когда остатки пены были смыты, Вероника с минуту поливала горячую спину успокоительной ледяной водой. Мазь, повязка, обезболивающее – и Юра с легкой пустой головой валился на дурма- нящие свежие простыни и спал без снов. И так по кругу. Две недели он облазил, как змея, и силился не почесать заживающую кожу огромным кухонным ножом. Несмотря на боль и сложный обременитель- ный уход, все время заживления Юру съедало дет- ское нетерпеливое ожидание следующего сеанса. И после – снова боль, сон на животе и неудобные повязки из одноразовых пеленок на всю спину.

– Сегодня закончим пораньше, если ты не против. У меня еще есть кое-какие дела.

– Не вопрос, – чуть досадливо согласился Юра. – Ты здесь босс.

– Смешной ты. Можешь спорить. В конце концов, оплата-то внесена.

Юра пожал плечами. Спорить не хотелось, да и не умел он требовать. К тому же у короткого сеанса были свои преимущества. Когда Ангел обмазывал его вазелином, всегда обильно, так в армии они ма- зали масло на хлеб – слой был толще самого ломтя, он чувствовал только легкий дискомфорт: голова не гудела, и от ментола не было озноба.

– По идее, осталось не так много.

Припухшая кожа была перемазана кровью, крас- кой, и оценить степень законченности было сложно.

– Да. В общем, все. Через пару недель на доводку зайдешь, и все.

У Юры перехватило дыхание.

Ангел закончил с повязкой и вышел. Вернулся он с бутылкой коньяка и двумя стаканами; под мышка- ми он зажимал шоколадку и апельсин.

– Не-не, я пас, – отмахнулся Юра, но Ангел подмиг- нул и широко улыбнулся, отменив все возраже- ния.

К тому же спину немного саднило. И впрямь, чего отказываться?

– Давай. Немного.

Ангел вынул из кармана нож и прямо на зеркале лакированного стола разделал апельсин.

– Не жалко?

– Ерунда. Протру – и как новенький будет.

Громяхая ножками по полу, Ангел придвинул к столу два полукресла и пригласил Юру сесть.

Они выпили. Юре не нравился привкус крепко- го спиртного во рту, и он жадно вгрызся в дольку апельсина. Живот уже как урчал, поэтому алко- голь с фамиллярной легкостью ударил в голову; по спине пробежал приятный озноб, боль утихла.

– Ты же говорил, бухать нельзя.

Ангел ухмыльнулся и плеснул в оба стакана еще понемногу. Юра выпил снова и снова торопливо за- кусил. Словно в пику ему, Ангел пил иначе. Он долго причмокивал, не торопясь избавиться от обжигаю- щих остатков спирта во рту, неторопливо шелестел фольгой, разворачивая шоколад, и, закончив, звон- ко отломал и закинул в рот глянцевого прямоуголь- ник и с блаженным видом откинулся в кресле. Ангел прикрыл глаза. Было видно, что шоколадом он на- слаждается не меньше, чем коньяком, – топит его во рту, медленно раскатывая языком по нёбу. Юре тоже захотелось откинуться и, прикрыв глаза, отдаться опьянению, но он боялся задремать.

– Люблю это состояние. Когда не дошел до без- удержного веселья, но уже не трезв. Все легко и понятно. Стоит напрячься – и раскусишь ал- горитм бытия, раскроешь тайны вселенной... Все кажется таким осмысленным – каждое слово, каж- дая вещь. Хочется встать на колени, раскинуть руки и отдаться пробуждающемуся на задворках сознания.

Юра осторожно зевнул.

– Но мы выпиваем еще, и единение с миром об- рывается. Остаемся только мы и вещи... – Ангел встrepенулся, приподнялся и снова плеснул им коньяка.

– Не, мне хватит. – На этот раз Юра картинно зе- нул. – До дома не дойду.

Юра терпел не из страха показаться слабым – хотелось поскорее получить свой страшный задаток и как можно раньше начать попытки на долгие годы забыть о расплате.

– Уже налил. Давай по последней, и я тебе кое-что покажу. – Ангел улыбнулся своей фирменной демонической улыбкой.

В теперешнем состоянии она не казалась Юре отталкивающей, даже наоборот.

Ангел грохнул пустым стаканом о стол, хлопнул себя по ляжкам и встал.

– Пойдем.

Они прошли по длинному коридору. Юра, конечно, знал, что квартира немаленькая, но никогда не вступал в ее просторы. Как с океаном – одно дело знать и совершенно другое – оказаться на лайнере посреди всей его необозримой величины. Высокие потолки и двери, которых слишком мало для одного жилого помещения, и зловещие кованые подсвечники с черными немymi свечами; неяркий теплый свет был устроен как в галереях – направлен на картины, из-за чего потолок висел над головой чернеющим недвижимым покрывалом. Юра представил, как оживет это пространство, если погасить электричество и зажечь свечи.

Стены плотной чешуей укрывала живопись – пастель, графика, акварели, масло. Юра то и дело приостанавливался, запинаясь о какую-то из картин. Он не разбирался в живописи, но в каждой из работ было что-то необъяснимо живое, неуловимое: так мертвый отличается от мирно спящего. Цвета и свет врывались в Юру запахами и звуками, приковывали к себе. На каждой в уголке красовалась вычурная литера «А».

– Ты отличный художник... – Он удивленно уставился на Пашу.

– Спасибо, – усмехнулся Ангел.

– Не понимаю...

– Почему татуировка?

Юра кивнул.

– Деньги, слава и почет.

– Думаю, что хорошие художники неплохо зарабатывают. Да и не такие уж безывестные.

– Назови хоть одного современного. Можно даже не только наших.

Юра задумался. Искусством он не интересовался. Тем более современным. То ли в нем не осталось чистых художников, то ли о них не говорят – одни инсталляции и перформансы.

– Бэнкси? – всплыло спасительное имя.

– Бэнкси, – рассмеялся Ангел. – Он не «хороший художник», он гений, новатор. Так вот, ты либо Бэнкси, либо эпигон, про которого быстро забудут. Поэтому искусство превратилось в помойку – каждый ваяет малопонятное дерьмо, творит сумасшедшие вещи, заботясь только о том, чтобы сделать это раньше других. Есть, конечно, вариант быть просто хорошим художником, о котором никто никогда не узнает, разве что пара десятков друзей и два-три искусствоведа, если повезет. Нужно быть первым. – Ангел излучал самодовольство.

– Музей?

– Музей. Шкуры, снятые с людей. Запреты. Суды. Но это только подогреет интерес. Рано или поздно выставку признают частью культурного пространства, а то и наследия. Ведь даже концлагеря стали музеями. А там с людьми и похлеще штуки вытворяли. И договоры никакие не подписывали. Хотели содрать кожу – сдирали.

От сравнения музея с концлагерем у Юры на мгновение ослабли колени. Вот что его смущало. Пренебрежение жизнью. Да, он умрет, но его тело – доказательство того, что когда-то он был, итог и символ минувшего бытия. И надругаться над мертвой плотью – это как сказать, что он не был никем. Как собака. Жил и издох. Можно бросить в канаву и не морочиться с копанием ям: «Ему-то уже все равно».

– Брось кривиться. Сделка уже свершилась, – без улыбки сказал Ангел. – Я не дьявол во плоти. Обычный комплекс бога. Все эти истории про живые портреты. Надежда не просто скопировать мир, а создать свой, живой, реальный. Надежда, рождающая страх. Если долго смотреть на хороший портрет или, скажем, нарисованную женщину со спины у окна, как одно время было модно, – в какой-то момент начинает казаться, что картина живая; под пристальным взглядом нарисованный человек словно сдерживается, чтобы

не улыбнуться, не шелохнуться. Сколько ни смотри – этого не произойдет, но ты не смотришь. Страх, что, может, становится в конце концов таким сильным, что ты холодеешь, отворачиваешься и сбегаешь подальше от жуткого полотна. Мистицизм хороших картин. А татуировка – это буквально живая картина. Ее питала кровь, и отпечаток этой жизни сохраняется навсегда. И впечатления зрителя от картины на спущенной человеческой шкуре удесятятся.

- Все ради славы? Ангел ухмыльнулся.
- Ты в бога веришь? Неважно. Я – нет. Остается только то, что ты сделал до могилы. Жизнь, она только здесь. В этом мире. – Ангел постучал кулаком по стене. – Сумеешь забраться на страницы энциклопедий – значит, будешь жить дальше. Нет – тогда ты просто всю жизнь шел к тому, чтобы тебя жрали черви. Долго готовившееся блюдо для опарышей. И вся эта серьезность по поводу надругательств над мертвыми... А анатомические театры? Тогда люди были куда набожнее и все же – воровали трупы и разделявали на публике.
- Ну ты вспомнил...
- А Маяк?

Юра пожал плечами и покрутил головой. Они дошли до конца коридора и остановились у двери. Она отличалась от остальных – металлическая, без ручки, с кодовым замком на стене.

- Маяковский. Пришли ребятушки и тепленькому еще поэту вскрыли черепушку и вытащили мозг. Он еще в разряд мертвых толком не перешел, а его уже разобрали на запчасти. Да и вообще. Когда человек мертв, сделать с ним что-то еще более страшное уже невозможно. Потому что только смерть непоправима. Остальное – игрушки.
- Это все здорово, но меня убеждать не в чем. Будь у меня деньги, я бы предпочел другой вариант. Такой вот я ретроград.

Юре стало неприятно от самого себя. Ангел пожал плечами.

- Ну что, пойдём? – Ангел потыкал в писклявые кнопки панели замка, и дверь бесшумно скрылась в стене.

Юре стало не по себе. Обоняние уловило едва различимый запах, напоминавший то ли мастерскую сапожника, то ли обувной магазин с примесью чего-то больничного. Он поежилась.

Ангел вошел. Юра в нерешительности прятался за укрытием дверного косяка, боясь даже заглянуть внутрь комнаты.

- Не боись, – подбодрил его Ангел.

Юра не был особо впечатлительным, и вряд ли ему грозили кошмары. Но не хотелось сдвигать грани нормальности. Ангел был прав. Голова работает ровно так: сначала шок, потом брезгливость, смешанная с интересом, и вот ты один из тех, кто не видит ничего странного в картинах на содранной человеческой коже. И этот запах. Мозг уцепился за него, и теперь казалось, что тот стал ярче, отчетливее. Где-то он слышал, что охотники специально делают себе ожерелье из зубов убитых хищников – медведей и волков, – одежду из их шкур. Что зверь чувствует запах мертвого сородича и боится напасть. Сейчас Юра верил в это как никогда. От запаха из комнаты пересохло во рту, а тело лихорадило. Юра сдержал рвотный позыв. Он решил, что не пойдет. Теперь осталось переступить через глупую деликатность и озвучить вслух. «Нет!»

- Ну? Идешь?
- Нет, – выдавил Юра. Стены не обрушились и даже картины на них не дрогнули, и тогда он повторил более уверенно: – Нет, извини. Не хочется. Здесь подожду.

Одно дело теоретически рассуждать о чем-то, предполагать, как это может выглядеть, и другое – ткнуться носом в факт, который уже ничем не изменишь. И Ангел из художника станет чокнутым кукольником-патологоанатомом. Он просто не сможет прийти к нему на последний сеанс. Чтобы утихомирить воображение, Юра уткнул глаза в картины. Но мысли не хотели лезть на эту тропинку, с ослиным упорством возвращаясь к недрам комнаты. Через пару минут Ангел вышел.

- Ну, как скажешь. – На лице Ангела странным образом читались одновременно самодовольство и разочарование. – Не думал, что ты такой впечатлительный.
- Молодой еще, – отшутился Юра, но улыбнуться не вышло.

Избавиться от мыслей о его «не его» татуировке, выделке человеческих кож, смерти и сопутствующем мрачном было невозможно. Липкие, как еловая смола, эти мысли могли отстать только от времени. Юра примирился с этим и решил, что раз все равно от них не уйти, стоит понять хотя бы, почему он напуган.

Во-первых, сам факт смерти. Как будто перед ним поставили песочные часы, которые точно знают, когда он отдаст концы. И когда кожа на спине начинала зудеть, заживая, этот зуд мнился чуть ли не знамением: торопится слезть с тепленького, чтобы не умирать вместе с телом.

Во-вторых, отсутствие весомых аргументов против. Он будет мертв, и это точка. Есть волшебный диснейленд с чертями и ангелами или нет – значения не имеет. Тело тут ни при чем. Ведь при любом варианте дальнейшее с телом не связано никак.

В-третьих, то, что мысли упирались всегда в религию, а рассуждать о боге даже мысленно было неприятно. Выкладки сводились к «есть» и «нет», тем не менее отрицание существования Создателя (даже мысленное) било по нервам. А если есть? Хотя какой-нибудь логики, кроме детского страха, за вариантом с богом не было. Но что, если есть? И тогда Он знает, что Юра тогда-то и тогда-то в городе таком-то по адресу... отрекся. А переживания за тело при большей важности души – так это вообще ересь. Тогда при чем здесь бог?

С того злосчастного дня, когда Юра поставил подпись на договоре, кабинет Ангела виделся ему совсем иным. Загадочная привлекательность множества книг, сокрытое в них больше не вызывали восторга и жадны дерзновенных открытий. Ведь книги можно было прочесть, познать, а в него уже пробралось что-то холодное, страшное. Вечное, что нельзя освоить умом – только почувствовать, испытать. Библиотека стала лишь задником. Его взгляд замыкался на черепах, расставленных по книжным полкам. Человечьи или звериные – они одинаково скрывали в себе это знание, хранили его отпечаток. Даже в самом закоренелом цинике при виде их начинал звучать тоскливый гимн вездесущей неотвратимости. Совсем не страшные, молчаливые внутри тела, вне его кости оживали. Они символизировали некий мост, соединявший жизнь и смерть, и он, казалось, уже перешел по нему через бесконечно глубокую пропасть, разделявшую два мира, но та сторона, как театральная сцена, была завешена непроницаемым тяжелым пологом. И Юра вглядывался в него, пытаясь уловить неуловимое, раздвинуть бархатную завесу, но никогда не обнаруживал искомого стыка, а только перебирал складки. И оголенные предводители мрачных мыслей злобно улыбались своими зубастыми ртами и пустыми глазницами. Для этого, видимо, они и стояли здесь – провоцировать мысли, а потом насмеяться над нелепостью слабого ума.

Хотя, может, все это только игра перепуганного разума, и черепа – символ познания. Знак того, что художник хочет стать совершеннее, научиться вписывать свою работу в чужое тело, как часовщик, вставляющий выскочившую шестерню на место.

Куда страшнее было думать о содержимом комнаты под кодовым замком. Спрятанное там уж точно

не оправдать жадной самосовершенствования. Но он мог только предполагать, что скрывается за бесшумно отъезжающей дверью. Это спасало, но в то же время питало глупое и ушербное любопытство.

Юра не чувствовал уже игл, раз за разом проходившихся по одним и тем же местам. Мысли были больше. Комната пульсировала как живая, стены таяли перед глазами, становились прозрачной пленкой, за которой проявлялись смутные интерьеры комнаты-сейфа. И куда ни посмотри – ухмыляющиеся черепа и стопки шкур, украшенных, как ковры, – узорами, отдельными рисунками или целыми картинами, – дожидающиеся своего часа. Часть из них была растянута в стеклянных коробах витрин; они были подсвечены, как картины, а внизу белели аккуратные информационные таблички: название, модель, автор и год. Из причудливого видения вырвал Пашин голос.

– Ну вот. Все.

Юра встрепенулся. Ангел распылил на спину прохладу мыльно-спиртовой смывки, протер кожу от потков смеси вазелина и краски и нанес свежий слой вазелина. Юра поежился.

– Шас замотаемся – и все. Заживешь и станешь гордым носителем.

– Я дозрел до твоей тайной комнаты. Если не передумал.

– Напротив. Ждал, когда ты передумаешь, – усмехнулся Ангел. – Домокаемся – и свожу.

Дверь отъехала, и у Юры перехватило дыхание. Он снова почувствовал запах выделанной кожи и каких-то химикатов. Дыхание перехватило, как если бы он стоял голый над парящей прорубью. Но это волнение – своего рода предвкушение последующей почти библейской легкости тела и мыслей. Нужно было только войти, окунуться, проплыть... И он шагнул за порог.

Только он вошел в комнату, как тут же едва не выпрыгнул обратно спиной вперед. Манекены. Их было штук шесть, в шахматном порядке расставленных в вертикальных шкафах просторной комнаты. Он старался не смотреть на них прямо, ловил краем глаза, расфокусируя зрение или сосредотачивая взгляд на невинных деталях.

Музейность зала отчасти успокаивала. Никаких стопок из кож здесь не было – все очень эстетично и аккуратно. Так же согревал и призывал к тишине мягкий свет, кололи глаза отблески стекол витрин, резонирующих от шага. Кроме вертикальных шкафов по центру, периметр комнаты обрисовывали горизонтальные застекленные столы, как в энтомологиче-

ском музее. Большинство из них пустовали; на некоторых в уголках белели прямоугольники с описанием. Все бы ничего, но именно от этих благообразности и цивилизованности бросало в дрожь. Слишком нездоровой была эта экспозиция, ненормальной.

Юра нерешительно подошел к первой витрине. Та оказалась пуста, и он продвинулся на пару шагов к заклеянной прямоугольником с текстом. На ней лежал похулый измятый лист кожи. С него смотрело изящное женское лицо с поднятым забралом маски-черепа. Вздернутый носик, благородные манящие черты лица и зловеще нависший над всем этим пустоглазый череп. Ее волосы разлетались перьями, обрамляя лицо и делая границу татуировки неровной, свободной. Вглядываясь в живые глаза и точность линий, Юра на секунду забыл, на что именно смотрит. Осознав – вздрогнул.

Он переходил от витрины к витрине, каждый раз отшатываясь, но мгновением позже вновь приближаясь. Некоторые татуировки захватывали своей выдумкой и изяществом исполнения, и он едва не прижимался к стеклу, чтобы рассмотреть получше. Он не читал сопроводительных листков. Не мог. Точное знание, имя того, кто носил рисунок при жизни, – прочитав такое, Юра бы не выдержал и стошнил... или сбежал.

Наконец он решился осмотреть манекены. В центре зала стоял законченный. Настоящий кожаный костюм – от макушки до пальцев на ногах – весь был покрыт рисунками и надписями. Нити швов соединяли кожу так ловко и аккуратно, что выглядел костюм содранным с одного человека. Только едва заметные полосы «чистой кожи» на швах выдавали разобщенность, отдельность большинства кусков. Грудь, спина и голова определенно принадлежали кому-то одному. Юра представил себе освежеванное тело, как в кабинете физиотерапевта – красно-белое, разлинованное канатиками мышц и сухожилий, с живыми смотрящими прямо на тебя глазами, и едва не потерял сознание.

– Ты в порядке? – спросил Ангел.

Юра обернулся и хотел ответить что-то патетичное и честное, но лицо Ангела выражало только насмешливое самодовольство, и Юра молча кивнул.

Юра вглядывался в рисунки, и в нем росло неясное беспокойство. Сперва он не обратил на это внимания – слишком уж разнообразную палитру эмоций вызывала экспозиция. Но чем дальше, тем увереннее беспокойство оттесняло брезгливость. Болезненное любопытство, животный страх, пробиравшись через десятки гомонящих голосов, выбиваясь на первый план.

На следующем манекене были закрыты только отдельные части – икры, плечи, грудь и верх спины. Куски кожи были пришпилены к кукле швейными булавками. Напоминало старые латы времен Римской империи. «Где-то ведь гуляют еще живые части для этого костюма... Или они только в планах?»

На следующем манекене была полная спина и правый рукав с пальцами. Ровную пустоту бежевого пластика ног и спины делил на сектора разной площади неумолимый черный пунктир. В нескольких местах стояли буквенно-цифровые маркировки. Он вдруг понял, что его беспокоило. Викинги, оборотни, медведи, изящно и натурально отрисованные механические части под содранной якобы кожей, киногерои, небольшие олдскульные пистолеты, птицы и цветы, даже орнаменты – от всего этого веяло сегодняшним днем. Это были простые тату, какие можно увидеть на пятидесяти-шестидесятилетних мужчинах. Рисунки предполагали молодость. И вместе с этим пониманием пришло другое – он скоро умрет. Ему грозило не касание рока и вечности, а совершенно вещественный камень, разбивающий его череп, или холодный острый нож, с пугающей легкостью проникающий в его живот. Ангел не станет ждать, а просто прикончит его, как прикончил всех этих, носивших когда-то его рисунки на себе. На одном из следующих манекенов на ограниченном пунктиром пространстве наверняка уже нанесена маркировка, обозначающая его, Юру. От этой мысли ему стало на удивление легко. Ясность тело принимало лучше домыслов. С ясностью можно что-то делать. Он попружинил на носках, повел плечами, свел лопатки, чуть прогнув спину, и звонко хрустнул позвоночником. Только сейчас он заметил, что крепче Ангела и почти на голову его выше. Да, когда все ясно, можно что-то делать.

– И какой номер у меня? – бесцветным голосом спросил он Ангела.

Ангел только рассмеялся.

ЧЕСТНАЯ ИГРА

Лифт судорожно дернулся, готовясь распахнуть двери, и Михаил привычно натянул на растерянно-отрешенную физиономию обыденное выражение перманентного недовольства. Ритуал этот был связан с тем, что Михаил Афанасьевич действительно большую часть времени был раздражен окружающим.

С порога он нахмурился еще сильнее. В прихожей, как и неделю назад, валялись пакеты из-под чего-то и с чем-то. «В этом доме все вечно валяется, потому что ни у одной вещи нет своего места!» – в который раз подвел он черту под очевидным. Он все ждал, что этот свинарник начнет хоть немного заботить его подругу, но Кристина сама валялась среди баракла на диване перед телевизором.

– Привет, милый! – не вставая, поздоровалась жена. – Ты чего суровый?
– Ничего.

Начинать разговор, который они имели уже несколько десятков раз, сегодня не хотелось. Михаил решил удовлетвориться внутренним монологом: «Негласные правила организации быта. Если ты женщина – будь добра держать жилье в порядке, приходя с работы, вставать за плиту, чтобы накормить мужа. Тогда все будет в порядке. Но нет! Я слишком устала, чтобы вставать с дивана, и налить себе чай, но сил хватит на полуторачасовой секс или выяснение отношений до четырех утра!»

Пролистав этот небольшой список причин домашнего негодования, Михаил разделся. Он аккуратно повесил куртку на плечики, поставил ботинки в обувную полку и стал экспрессивно рыскать в ее, полки, окрестностях, ища свои тапки: куда бы он их ни ставил, уходя на работу, к вечеру они исчезали. – Ой, ты тапки ищешь? Я обула. Роро сбросил кружку со стола – тут везде осколки и липко.

Михаил обошел кухонную столешницу. Ступать приходилось осторожно – осколки, припаянные к полу сладким чаем, все еще окружали стол. На несколько секунд он оторвал взгляд от пола и с укором глянул на Кристину. Она невозмутимо валялась среди подушек, пледов (во множественном числе!), шмотья и подносов с кружками (тоже во множественном числе). Он отметил, что во всем этом бедламе она смотрится органично. Полноценная часть баракла. Одним глазом Кристина тарачилась в телевизор, другим – сосредоточилась на переписке в мобильнике. Операция была сложной, поэтому от напряжения она даже закусил язык.

По этой причине его взгляд заметили не сразу. Пришлось подождать.

– Я сейчас все уберу!.. – встrepенулась она, но с дивана не встала.

Михаил нашарил в кармане ключи. О ногу уже терся Роро – жирный котяра, считавший квартиру своим персональным луна-парком. Единственное

место, куда он никак не мог попасть, – всегда запертый кабинет Михаила.

Михаил отпнул кота, отпер дверь, вошел в свою комнату и спешно закрылся. Только здесь он чувствовал себя как дома. Чистота и порядок. Все вещи на своих местах. Книги на книжных полках, документы в столе, одежда аккуратно развешена в шкафу. Даже трусы, носки и футболки лежали в трех разных ящиках. Это был уютный мир с границами и жестким укладом.

Стоя под душем, Михаил привычно перебирал раздражители, накопленные за день. Несколько дураков на дороге, непонятно как получившие права. Больше всего раздражали именно водители. Как будто правила дорожного движения – это нечто вроде Библии: можно назвать себя агностиком и творить все, что душе угодно...

О работе вспоминать вообще не хотелось. Ощущение, что всех там набрали по объявлениям. Марина два часа правила статью на три тысячи знаков. Это же нелепо! Она читает со скоростью второклассника и так же шевелит губами! Как может работать редактором женщина, которая делает ошибки в слове «мясной»? И она! редактирует его! тексты... При капитализме успеха добиваются самые способные – ага, как же... Нужна жесткая система власти, нужно всех приструнить – от лезущих к врачу без очереди до чиновников с их детьми, которым закон не писан.

От обилия пара в душевой, злости и умственного напряжения, постоянного спутника носителей спасительной истины, у Михаила потемнело в глазах. Он завернул горячую воду и полил затылок холодной. Отпустило. Покачиваясь от остаточного головокружения, он еще немного постоял под холодным душем. Горячая вода расслабляет. Холодная – закаляет тело, а с ним и дух. Это истина и правило, а правила Михаил очень любил.

В постели он холодно пресек Кристины липкие приставания. «Не заслужила». Хотелось поскорее заснуть, но всеобщее несовершенство утыкало сознание занозами, которые разом решили загноиться. Его подрезали на дороге, лезли в двери лифта, не дав ему выйти, заставляли смотреть на рабочего, который клеил обои от двери к окну, когда все знают...

«Не так! Все не так! Господи! Как тут уснуть?» Несколько раз он выходил на кухню – сделать глоток остывшего чая – и, набравшись сил на новую попытку, возвращался в кровать и пытался заснуть.

За много лет в Михаиле скопилось огромное количество «не-так-ов». Но именно в эту ночь к ним

добавился решающий десяток. И тело Михаила вдруг сработало не так.

Он очнулся от холода. Сознание вернулось раньше, чем силы открыть глаза, из-за чего открывать их стало страшно. Сперва он почувствовал запах. Очень похожий на больничный, но все же другой. Кунсткамера, хирургия?.. Не то. Он узнавал только оттенки, но пахло совершенно по-новому. И запах этот был страшен.

Михаил слышал, что лежит в просторном месте, настолько звонком, что даже полная тишина здесь звучала.

Наверное, все стены, как в туалете, покрыты глянцевым кафелем.

Он мысленно ошупал тело. Лежит на твердом и холодном, накрыт простыней... Это шутка?! Он открыл глаза и тут же зажмурился. Никаких шуток. Сквозь окна без штор свободно и густо лил свет луны, яснее, чем днем, вырывая главные детали помещения: сияющая стена холодильника, стол в центре комнаты и несколько раковин. Он пошевелил пальцами ног. Левую ступню шекотнула бирка.

Нужно бежать. Определенно и точно. О чем тут думать? Но он оцепенел и не мог пошевелиться. Изошренная попытка сознания – сковать тело и транслировать на экран захлопнутых глаз жуткие картины с мертвецами. Наконец он собрался и соскочил с каталки. Ему показалось, что этим прыжком и ограничился его путь до двери.

В коридоре стало спокойней. Он обернулся простыней, как в бане, и пошел искать, кому можно доложить о вопиющей ошибке помещения его, живого, в морг. Коридор с обеих сторон оканчивался закрытыми дверями. Но за правой горел свет. Из одного коридора Михаил попал в другой, такой же длинный и по-больничному постылый. Правда, здесь среди ниш с дверьми была стойка дежурной медсестры. Издалека показалось, что за ней никого нет, но когда он подошел ближе, оказалось, что дежурная просто спала, уложив голову на руки и укрыв лицо крылом иссиня-черных волос.

– Кхе-кхе... – деликатно прокашлялся Михаил, переминаясь с ноги на ногу – пол был ледяной. Медсестра продолжала спать. – Ну это уже... Дамочка, а ну-ка вставайте! – прикрикнул Михаил, а для верности потряс девушку за острое плечо.

Медсестра вскочила и в страхе отпрянула, едва не кувыркнувшись через стул. Из них двоих девушка больше его подходила на роль постояльца морга: бледная кожа обтягивала худощавое лицо, слишком уж подчеркивая все анатомические особенности

черепа. Обильный черный макияж на глазах и губах усиливал эффект.

– Вы кто?

Михаил замешкался с ответом. Ситуация необычная. С чего начать?

– Эм... Я проснулся в вашем морге. Не понимаю, как попал сюда. Очевидно, меня привезли по ошибке. Я ведь живой. Вот. Я замерз.

Девушка сурово посмотрела на Михаила.

– У нас серьезная больница. Никаких «по ошибке» быть не может. Минуту.

Она взялась листать журнал регистрации.

– Да, вот. Видите? – Она протянула разлинованную ручную амбарную книгу и ткнула в строчку 137. – Освидетельствование проводил сам Вениамин Борисович. Ошибки быть не может. Если Бублик сказал «мертв», значит, так и есть.

– Бублик?

– Вениамин Борисович Бублик, – кивнула девушка. – Очень серьезный человек. Профессор. Светило. Так что отправляйтесь обратно в морг и не мешайте работать.

– Но позвольте! Я же живой!

– Не выдумывайте! И не кричите! Пациентов перебудите.

– Что значит – не выдумывать? А какой я, если не живой?

Девушка мечтательно закусил губу.

– Возможно, вы зомби. Снимите простыню. Ну! Снимите, снимите!

Растерянный Михаил подчинился.

– Ну да, смотрите сами.

Михаил опустил глаза и ужаснулся: на груди и животе чернели огромные полосы резов, заштопанных заливхватскими широкими стежками.

– Что же это... – Михаил пятился от стойки, а когда уткнулся в стену, съехал по ней и шлепнулся голым задом на пол.

– Ой, не волнуйтесь вы так. – Девушка заметно оживилась и потеплела к нему. – Умерли. Ну, с кем не бывает? Пойдемте, я вас уложу. Не стоит вам вот так вот по коридорам разгуливать. Еще увидит кто – заполучите себе соседа. Давайте прикройте вас. Ну же, вставайте!

Михаил медленно переставлял ноги, то и дело повисая на медсестре, оказавшейся на удивление крепкой.

– Поверить не могу! Я работаю здесь всего неделю, а уже такое! Фантастика!

Она продолжала восхищенно вскрикивать, и когда они вошли в морг, Михаил отметил, что теперь

это место не нагоняло жути. И дело было не в его спутнице. Просто чего ему бояться мертвецов, раз он сам – один из них?

Медсестра увлеченно повествовала о своих тайных пристрастиях к мистике и кладбищам.

– Там так тихо и красиво... – Девушка мечтательно закатила глаза. – Особенно в глубине, где в зарослях прячутся неприметные старые могилы. Однажды мы даже пробовали провести ритуал.

– Да неужели... – без интереса вставил Михаил.

– Да-да! Представляете?! Глупость страшная. А ведь верили, – рассмеялась медсестра, но тут же заострила лицо серьезностью. – Не то чтобы я сейчас не верю. Но разве можно всерьез рассчитывать воскресить мертвеца текстами из книги, купленной в книжном? То-то и оно...

Михаил тяжело вздохнул. Навязчивость медсестры и ее неугасимая болтовня раздражали. Сам он думал только о том, как быть с работой. Его материалы наверняка передадут другому корреспонденту, а там ведь сюжет про «Вихрь»... И без того ледяное тело покрылось острыми мурашками. Отдадут наверняка Васькиной. Она ведь ни черта не смыслит в технике, и в интервью с конструктором много пробелов... Все особенности они обсуждали за кадром. Учитывая уровень и способности Васькиной, из сюжета в лучшем случае будет понятно, что эта штукавина может ездить и стрелять. Михаил схватился за голову. Его комната... Кристина моментально устроит там мемориал и станет пускать туда своего ужасного кота, и все будет в шерсти... А его вещи? Она же будет рыться в его вещах, а там столько личного... Боже! Она же будет организовывать похороны! Наверняка соберется кудла ее родственников, и обязательно припрутся эти трое дегенератов – ее двоюродные братья. И родители улетели. Если не успеют вернуться, некому будет отогнать от могилы стенающих и молящихся подружек ударившейся в религию бабуси... И она против кремации, а значит, он будет медленно гнить в компании червей... И кладбище. Он заметил местечко под раскидистой березкой в Шатуре, рядом с дедовской могилой. Кристина наверняка захочет закопать его поближе, чтоб в любой момент можно было приехать и поголосить над его бранным телом. А то еще поставит урну дома. Роро обязательно ее расшибет и нагадит...

– Нет! – Михаил с креном спрыгнул с каталки.

Медсестра попыталась удержать его за руку, но он вывернулся.

– Нет! Нельзя! Ни в коем случае. Я не могу быть мертвым. Это слишком... – Он быстро шагнул по

моргу туда и обратно. – Нужно сперва утрясти... Похороны, и работа. Нужно завещание. Да! Завещание. Распишу все в завещании. Принесите бумагу!

Медсестра осторожно, с ласковой улыбкой двинулась к нему, слишком заблаговременно растопырив руки то ли для объятий, то ли для захвата.

– Ну-ну, успокойтесь. Без вас разберутся. Идите, идите ко мне.

С материнской нежностью она обняла Михаила и погладила по спине. Ее руки были успокаивающе теплыми, и Михаил послушно двинулся обратно к своему предпоследнему ложу.

Медсестра придвинула стул к изголовью и стала гладить усопшего по голове, как мать, укладывающая температурающего ребенка. Тревожность немного отступила.

– Не переживайте. Ни о чем не нужно волноваться. Все без вас сделают.

– Вы не понимаете, – уже совсем спокойно ответил Михаил. – Они все сделают не так.

– Ну с чего вы взяли? – Медсестра облокотилась на каталку. Ее лицо оказалось так близко, что дыхание неприятно жгло щеку.

– Потому что именно так они обычно и делают! Как бог на душу положит!

– Думаю, вы преувеличиваете. – Медсестра чмокнула его.

– Нисколько.

– Тогда зачем окружили себя такими людьми?

– О! – усмехнулся Михаил. – Это не я... Дело ведь не в конкретных людях, понимаете? В отсутствии централизованности. Какая-то всеобъемлющая бессистемность – в воспитании, образовании, вообще во всем. Раньше все было строго, всегда были правила – гласные или негласные, этикет, в конце концов. Сейчас – нет. Все, что не нарушает закон, – можно. А если никто не видит, то можно и нарушать; там чуть-чуть, здесь немного... В результате – всеобщая расхлябанность, заразившая даже старшее поколение. Хаос! А завещание – непреложный алгоритм; ни шагу в сторону!

Медсестра задумчиво жевала губу, ища, что ответить. Михаил наслаждался произнесенной речью и произведенным эффектом. Но радоваться пришлось недолго.

– Знаете, странный вы.

– Это еще почему?

– Вот, жалуетесь, что все вокруг не так, не по правилам, а ведь сами такой же.

Михаил от удивления приподнялся на каталке.

– Да, да. Сами посудите. Вот вы умерли. Но вместо того, чтобы как должно лежать себе тихонечко до погребения, вскочили, начали требовать, спорить... И ведь, кроме вас, никто себя так не ведет. А я уверена, – глаза медсестры снова заволокло романтической пеленой, – что вы здесь такой не один. Но все лежат себе тихонечко, не пискнут...

Михаил раздосадовано откинулся на каталку и подтянул простыню к подбородку.

– А ведь вы правы... – Он нахмурился и закрыл глаза.

Медсестра потрясла его за плечо. Труп не реагировал.

– А все-таки, ответственный человек! – с восхищением она поцеловала тело в лоб, вернула стул на место и пошла к выходу.

Щелкнул выключатель, и морг снова наполнило бело-голубое свечение из окна. Девушка немного еще постояла в дверях, глядя на Михаила, вздохнула и заперла дверь morga на ключ.

